

Общество и его ценности

Большая и долгая жизнь

Людей, доживших до отметки 90 и более лет, принято называть долгожителями. Это уникальные случаи, которые говорят о хорошем здоровье или безупречной наследственности человека. Но, даже дожив до почтенного возраста, не каждый может сохранить ясность ума и жизнелюбие.

В свои 95 лет Мария Федоровна Линькова в подробностях может рассказать о многих эпизодах

Давно известно, что одним из серьезных аспектов долгой и полноценной жизни является постоянная активность. Недаром говорят: движение - это жизнь! И здесь речь идет не только о физических нагрузках, но и о различных занятиях, которые заставляют человека думать и действовать, наполняя жизнь приятными моментами. Скука разрушает нашу душу. Чтобы избавиться от тоски и уныния, необходимо наполнять жизнь интересными, увлекательными делами, которые помогут вставать по утрам с ощущением радости к каждому отпущенному Богом дню.

Мария Федоровна вспоминает, что каждое утро мать пекла гору блинов, чтобы накормить боль-

добром, а он был родом из Дяглево, высокомерно пригрозил Федору Егоровичу - "Я тебя каранда-

ра почти весь хлеб и имеющуюся в доме кожу животных, которую отец собирал на пошив одежды домохозяцв.

Мария Федоровна очень хорошо помнит, как отец стоял на коленях у колхозной рынды и горько плакал. А потом помолился и, чтобы как-то прокормить большую семью, уехал на заработки в Латвию. Там он работал на производстве дегтя и гнул колеса для повозок.

Семья выживала без хозяина как могла, пока отец не вернулся домой с подорванным здоровьем.

Великая Отечественная война началась, когда Мария только закончила 6 классов Петросельской школы. Братья один за другим ушли на фронт, отец по тяжелой болезни остался с семьей. Уже позднее на Дмитрия пришла похоронка.

К осени 1941 года немцы пришли в деревню. Годы оккупации стали самыми тяжелыми и жуткими в жизни Марии. Она хорошо помнит, как для местных жителей поступил приказ копать окопы. Их рыли прямо за огородами, у гумна, возле больших риг. Однажды деревенские увидели приближающиеся к Козловке немецкие танки. Деревенский дед Прокоп, который в свое время уже прошел войну и плен и понимал надвигающийся ужас, приказал всем хорониться в окопах.

Женщины и дети побежали прятаться кто куда. Танки шли прямо по окопам. Благо, они были

мя. Они сильно голодали. Из еды в лучшем случае были так называемые тошнотики. Это баранки, сделанные из гнилой картошки, собранной на поле. Теплые, они были противными на вкус, но еще как-то съедобными, а вот как только крахмал застывал, становились твердыми как камень. Такими их грызли. А что оставалось делать? Из продуктов питания была еще лебеда да крапива, которую подмешивали в скудный хлеб. Хуже всего были только листья липы, которые тоже ели, но от них очень сильно опухали руки и ноги.

Этот горький вкус войны женщина помнит и по сей день. Очень уж он крепко врезался тогда в сознание голодного подростка.

Ослабленный организм вскоре подвергся еще одной нападсти - Мария заболела брюшным тифом. Как выжила, не понимает до сих пор. Очень уж тяжело переносила болезнь, от которой многие в деревне умирали. В одной соседней семье за неделю умерло семь человек.

Немцы вели себя в деревне, как хозяева. Заходили в каждый дом и грабили. Брали все, что им нравилось, в основном обращали внимание на самотканые холсты. Кто оказывал сопротивление - могли убить. Заставляли жителей чистить дорогу от снега от Жерелево до Бетлицы, чтобы им легче было добираться. Зимы тогда выдавались снежные. Все вокруг было занесено высокими сугробами. Так фрицы выгоняли всех на расчистку, а это в основном были старики, женщины и дети. Отмеряли каждому участок по 4 метра и следили, чтобы никто не увиливал. Если кто-то отказывался работать, переворачивали автомат и били прикладами. Несмотря на свой детский возраст, ослабленная голодом, Мария как и все жи-

из своей тяжелой и насыщенной жизни.

Родилась она 15 июня 1926 года в большой семье Федора Егоровича и Екатерины Никитичны Пановых в деревне Козловка Жерелевского сельского совета Куйбышевского района. До рождения дочки в семье уже было пять братьев - Андрей, Александр, Дмитрий, Василий, Николай и сестра Шура, которая умерла в раннем возрасте.

Семья была зажиточной по сельским меркам. В своем большом хозяйстве, помимо коровы, поросят, овец и птицы, Федор Егорович держал еще и три лошади. Выйдет на край деревни, крикнет: "Копа!" - и три коня стремглав неслись к нему с пастбища.

При таком наличии тягловой силы главе хозяйства удавалось сеять немало зерновых. В семейном амбаре всегда было вдоволь муки, а на столе хлеба.

шую семью. После завтрака все дружно шли работать.

Рожь и пшеницу жали серпами, зерно молотили цепами. Работали, как говорится, не покладая рук - от зари до зари.

Пока старшие братья не разгибали спины с отцом в поле, младшую дочь мать с раннего детства приучила к рукоделию. Будучи еще совсем маленькой, она научилась прясть на прялке и ткать холсты.

В тринадцать лет Мария уже не уступала в ткачестве взрослым мастерицам. Для нее кросны (ручной ткацкий станок) стали предметом и игры, и работы. Ее детскими руками рушники и скатерти были не только вытканы, но и вышиты.

Одним из трагичных дней для семьи был тот, когда представители советской власти приехали во двор к Пановым забирать в колхоз лошадей. Мужчина, который приехал за нажитым Пановыми

шом убью" и приступил описывать имущество.

Младшие дети сидели на печ-

ке и наблюдали всю эту жуткую картину.

Брат Коля предложил Марии дразнить непрошенных гостей. Они сидели за трубой и оттуда кричали - "Карака-дырысь, под дерюгой хоронись!" Это был их такой маленький протест происходящему.

Описав все имущество, представители власти уехали. Вместе с тремя конями забрали из амба-

глубокими, и это многих спасло от неминуемой гибели.

Зайдя в деревню, немцы начали мародёрство. Они ловили и резали поросят, откручивали головы курам. Крик и верещание животных жители безропотно слушали из своих укрытий. От кровожадных рук фашистов пострадал каждый дом.

Мария Федоровна с ужасом вспоминает оккупационное вре-

тели деревни, выходила на эти работы. Было тяжело, голодно и страшно.

Сейчас с улыбкой вспоминает один случай. Однажды была дома одна и гладила бельё. Угольных утюгов тогда в деревне еще не было и женщины для глажки использовали рубель. Это такая деревянная доска с вырубленными поперечными желобками для катания белья.

